

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

HISTORICAL EXPERIENCE OF REGULATING CRIME COUNTERACTION MEASURES

Научная статья

УДК 343

EDN DLWYFD

DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(2).233-241

СВИДЕТЕЛЬ ПЕРЕД СУДОМ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СВИДЕТЕЛЬСТВО В РУССКОМ ПРАВЕ XI–XVI ВВ.

И.В. Минникес

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

3 марта 2026 г.

Дата принятия к публикации

6 мая 2026 г.

Дата онлайн-размещения

31 мая 2026 г.

Ключевые слова

История русского права;
свидетельские показания; Русская
Правда; Псковская Судная грамота;
Судебники; ложные показания;
ответственность за дачу заведомо
ложных показаний

Аннотация. В современном законодательстве любого государства предусмотрена ответственность за дачу заведомо ложных показаний. В данной статье прослежена история становления юридической ответственности свидетеля в русском праве XI–XVI вв. Установлено, что в древнейших источниках права ответственность за лжесвидетельство не предусматривалась. Однако в тексте Русской Правды есть предписания, которые помогли обеспечить правдивость показаний свидетеля. Это, во-первых, участие нескольких свидетелей (от двух до семи). Во-вторых, фрагментарная обязанность свидетелей принести присягу. Обязанность присягнуть означала, что свидетель понесет ответственность перед высшими силами. Но юридическая ответственность отсутствовала. Впервые юридическая ответственность свидетеля была предусмотрена в Псковской судной грамоте. Она заключалась в обязанности свидетеля-послуха выйти на судебный поединок против стороны спора или его наемного бойца. В отличие от современного законодательства, свидетель отвечал за любые свои показания, как ложные, так и правдивые. Окончательно юридическая ответственность свидетеля за ложные показания была оформлена в тексте Судебника 1497 г. Фактическим основанием ответственности были «лживые» показания свидетеля. Санкция состояла в возмещении свидетелем ущерба оговоренному им лицу. В Судебнике 1550 г. материальные санкции были дополнены телесным наказанием свидетеля.

Для цитирования. Минникес И.В. Свидетель перед судом: ответственность за свидетельство в русском праве XI–XVI вв. / И.В. Минникес. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(2).233-241. — EDN DLWYFD // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 2. — С. 233–241.

Original article

A COURT WITNESS: LIABILITY FOR TESTIMONY UNDER THE RUSSIAN LAW OF THE XI–XVI CENTURIES

Irina V. Minnikes

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2026 March 3

Accepted

2026 May 6

Available online

2026 May 31

Abstract. The modern legislation of any state provides for liability for intentionally giving false testimony. This article traces the history of the development of the legal liability of a witness in the Russian law of the 11th–16th centuries. It is established that the oldest sources of law did not provide for any liability for giving false testimony. The text of Russkaya Pravda, however, contain some provisions which helped ensure the truthfulness of witness statements. Firstly, it is the participation of several witnesses (between two and seven). Secondly, a fragmentary responsibility of witnesses to take an oath. Taking an oath meant that a witness will answer to a higher authority. Still, there was no legal responsibility. Legal responsibility of a witness was first included in the Pskov Judicial Charter. It consisted of the responsibility of an eye-witness to take part in a trial by battle against one of the sides in a dispute or a hired fighter. Differently from the modern legislation, a witness was responsible for any

Keywords

History of Russian law; testimonies; Russkaya Pravda; Pskov Judicial Charter; Judicial Codes; false testimonies; responsibility for providing deliberately false testimony

testimony, both false and truthful. Legal responsibility for false testimony was finally legally incorporated in the text of the Judicial Code of 1497. The factual basis of this responsibility was “false” witness testimony. Sanction consisted in the compensation of damages to a falsely accused person. The Judicial Code of 1550 supplemented material sanctions with a corporal punishment for the witness.

For citation. Minnikes I.V. A Court Witness: Liability for Testimony under the Russian Law of the XI–XVI Centuries. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 2, pp. 233–241. (In Russian). EDN: DLWYFD. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(2).233-241.

Введение

Правовое государство предполагает верховенство закона и широкий круг гарантированных прав любому члену общества. Определенные права сохраняются и за теми, кто предстал перед судом. Всестороннее, объективное и полное исследование обстоятельств уголовного дела является неоспоримым требованием и гарантией справедливого производства по уголовным делам и, следовательно, соблюдения прав личности.

Немаловажную (для некоторых авторов — даже «ключевую» [1, с. 362; 2, р. 2077]) роль в обеспечении данных требований играет такое доказательство, как показания свидетеля. Отмечается, что «интерес к показаниям как к виду доказательств неслучаен. Этот вид доказательств наиболее востребован практикой, присутствует во множестве в каждом уголовном деле, нередко выполняет роль прямого, а значит, весьма значимого доказательства» [3, с. 203–204].

Однако не всегда показания свидетелей содержат сведения, соответствующие реальному положению дел, что может не просто исказить картину преступного деяния, но и стать основанием для обвинения невиновного. «В современном уголовном судопроизводстве, — отмечает Я.В. Малышев, — показания свидетелей являются важнейшим доказательством, способным наиболее полно восстановить картину преступления. Они связывают воедино все значимые факты и позволяют в полном объеме установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. Именно поэтому заведомо ложные показания свидетелей препятствуют вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора» [4, с. 102]. По статистике, «как в Соединенных Штатах, так и в Соединенном Королевстве ложные или вводящие в заблуждение показания свидетелей были определены в качестве основной причины неправомерного осуждения» [5, р. 265].

Современный российский законодатель уделил серьезное внимание не только вероят-

ности самого факта дачи заведомо ложных показаний, но и ответственности за них. Согласно ч. 1 ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, «заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение или показание эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства — наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до трех месяцев». Еще более серьезны санкции, если заведомо ложные показания соединены с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Как верно отмечено, «общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 307 УК РФ состоит, во-первых, в том, что они посягают на нормальную деятельность органов правосудия, препятствуют установлению истины по уголовному делу, препятствуют защите и восстановлению нарушенных прав потерпевшей стороны, во-вторых, заведомо ложные показания могут повлечь за собой осуждение невиновного лица, необоснованные имущественные потери граждан и организаций, которые могут привести к иному исходу уголовного дела, и, как следствие, вынесению неправомерного решения судьей» [6, с. 37]. В конечном счете оба эти фактора, как справедливо подчеркивается, «способствуют снижению уровня доверия к деятельности государственных институтов» [7, р. 323].

Ответственность за дачу ложных показаний уходит корнями в глубинные слои русского права. Однако говорить о том, что данное правонарушение столь же древнее, как сам институт свидетельских показаний, было бы необоснованным и поспешным. Представляется, что у института ответственности свидетеля есть собственная история, не полностью совпадающая

с регламентацией статуса свидетеля в процессе. Именно этой проблеме и посвящено настоящее исследование.

В данном исследовании нет цели полностью охарактеризовать институт свидетельских показаний в период его зарождения и исторического развития, хотя стоит согласиться, что показания свидетелей «являются одним из самых распространенных и древних видов доказательств по уголовным делам» [8, с. 14]. Проблема поставлена значительно уже — речь идет только о становлении и нормативном оформлении института ответственности свидетеля.

Важно отметить, что данное исследование не ограничивается ответственностью свидетеля за дачу ложных показаний. Речь идет об ответственности вообще, как за ложные, так и за правдивые показания.

Современному исследователю такая постановка проблемы может показаться некорректной. Какая ответственность может налагаться при отсутствии правонарушения? Но история русского права содержит такие предписания, которые не корректируются с современностью, поэтому, как представляется, такая постановка проблемы вполне может быть жизнеспособной.

Нормативную базу исследования составили тексты актов, принятых в XI–XVII вв., — Русской Правды Пространной редакции (далее также — РП¹), Псковской Судной грамоты (далее — ПСГ, Грамота²), Судебников 1497 г.³ и 1550 г.⁴ Более позднее законодательство привлекать не имеет смысла, поскольку в дальнейшем ответственность свидетеля всегда имеет определенную правовую форму.

Анализ нормативной базы

Как отметил А.Е. Леднев, «свидетельствование является древнейшим процессуальным институтом. Испокон веков показания свидетелей составляли важный ресурс доказательствен-

¹ Текст Пространной редакции Русской Правды дан по изданию: Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 64–73.

² Текст Псковской Судной грамоты дан по изданию: Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. С. 331–342.

³ Текст Судебника 1497 г. дан по изданию: Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. С. 54–62.

⁴ Текст Судебника 1550 г. дан по изданию: Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2. С. 97–120.

ной информации об обстоятельствах, ставших предметом уголовно-правового спора» [9, с. 3]. Если не считать того факта, что в древнейшие времена никаких «уголовно-правовых споров» не было (хотя многие авторы находят уголовный процесс даже в Русской Правде [10–12]), а «суд», известный законодателям, начиная от Русской правды и заканчивая Соборным Уложением 1649 г., осуществлялся не на основании уголовно-процессуальных и гражданско-процессуальных норм, а в соответствии с принципами состязательного или розыскного процесса, высказывание вполне справедливо. Поэтому точкой отсчета исследования избран текст древнейших актов Русского государства.

В Русской Правде свидетели играли важную роль в установлении истины. Если человек требует свои деньги и представил свидетелей-послухов, дело решается в его пользу независимо от суммы, а если послухов нет, то истец может претендовать только на 3 гривны кун, подтвердив свои требования присягой (ст. 47).

Согласно распространенному в науке мнению, «в первых писаных источниках права существует разделение свидетельских показаний на виды (видочество и послушество, то есть показания очевидцев и показания, характеризующие истца или ответчика)» [13, с. 9].

Можно согласиться лишь с тем, что в Русской Правде действительно чаще всего свидетелей обозначают этими наименованиями. Но кроме послухов (например, ст. 18 РП О поклепной вире, т.е. обвинении, которое можно отвести с помощью 7 свидетелей-послухов) и видоков (например, ст. 31 РП, в которой 2 свидетеля-видока являются очевидцами побоев), использовались такие обозначения для свидетелей, как люди, лицо, свободные мужи и т.д. Распространенное в науке и учебной литературе мнение, согласно которому у видоков и послухов абсолютно разные роли в процессе, представляется несколько некорректным. Изучая текст, можно найти множество оснований усомниться. Так, в известной статье об «избитом и кровавом» муже (ст. 29 РП) в качестве свидетеля избияния названы и видок, и послух. Первый — если есть «знамения» на избитом (кровь, синяки), а второй, послух, — если знамения имеются, но избитый начал драку сам. Кроме того, слово «людие» в акте употребляется чаще, чем «видоки».

Представляется, что у свидетелей в данное время, несмотря на разное наименование, назначение общее — они являются «свидетелями

по фактам» [14, р. 9], т.е. призваны подтвердить или опровергнуть факт (избиения, сделки, задержания вора, «порядочность» или ненадежность участника процесса и т.п.), иными словами «свидетелями по фактам», которые свидетельствуют о том, что этот человек видел, слышал или пережил.

В Русской Правде законодатель в большинстве статей не предъявляет никаких требований к показаниям свидетелей и не высказывает сомнений в их правдивости. Например, согласно ст. 40 РП, «татя», забравшегося в чужой двор, ночью можно убить. Но если связанного татя додержали «до света» и вора «людие видели связана», то же действие расценивается как преступное, т.е. с помощью показаний свидетелей меняется квалификация деяния. Столь же иллюстративна ст. 67 РП «О бороде». «А кто порветь бороду, а вьньметь знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклепъ, то нету продаже». Другими словами, клочок бороды, представленный пострадавшим, может стать доказательством только если это подтверждено свидетельскими показаниями. Сам по себе, сопровождаемый только жалобой пострадавшего, как доказательство он не рассматривается.

Однако в тексте документа есть намек на некоторые гарантии, обеспечивающие правдивость показаний свидетеля.

Во-первых, свидетелей должно быть несколько — от двух (если речь об иностранце) до семи человек (ст. 18). В большинстве статей РП цифры не уточняются, просто используется множественное число — послухи, людие, мужи и т.п.

Интересно отметить, что в спорах между жителями разных стран два свидетеля должны быть из разных государств. Согласно ст. 13 Договора Смоленского князя Мстислава Давидовича с городом Ригою и Готским берегом (1229 г.), «Роусиноу не оупирати Латинина однемъ послухомъ, аже не боудете двою послухоу, одного Немчича, а дроуого Роусина, добрых людии. Тако Латининоу не пьрьпрети Роусина, аже не боудеть послуха Роусина, а дроуого Немчина оу Ризе и на Гочкомъ березе»⁵.

Во-вторых, в контексте настоящего исследования особое значение имеет ст. 37 «О татбе»: «Паки ли будеть что татбно купиль в торгу, или

конь, или порт, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника; аже начнеть не знати, у кого купил, то ити по немъ тем видоком на роту, а истьцю свое лице взяти...».

К сожалению, содержание статьи допускает двойственное толкование. В первом, наиболее очевидном варианте интерпретации именно видоки должны принести клятву, что сделка о продаже «татбного» имела место. В таком ракурсе клятва, даваемая свидетелем, служит гарантией правдивости показаний. Второе толкование предполагает, что клятву приносит обвиненный в покупке краденого, а его клятва рассматривается как аргумент, подтверждающий показания свидетелей. Такое толкование делает ст. 37 неинтересной для данного исследования.

Столь же неоднозначно толкование сходной ситуации, регламентированной в ст. 47, только фраза «то ти поидуть на роту» относится уже не к видокам, а к послухам.

Представляется, что принесение присяги для обеспечения достоверности информации, исходящей от свидетеля, может быть и более распространенной практикой, чем регламентировано приведенными статьями. Как указал В.Г. Демченко, «О присягъ свидѣтелей Русская Правда упоминаетъ только въ двухъ случаяхъ, именно она требуетъ ее — 1) отъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ иски о долгахъ, и 2) отъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что опознанная у кого либо краденая вещь дѣйствительно имѣ куплена, — въ томъ случаѣ, когда онъ не могъ указать продавца... но есть основание думать, — продолжает автор, — что свидѣтели должны были присягать и въ другихъ случаяхъ» [15, с. 49].

В-третьих, судя по контексту предписаний, предпочтение все-таки отдается свидетелю-очевидцу. Правда, в некоторых статьях текст составлен так, что затруднительно понять, был ли послух или видок реальным свидетелем событий.

Некоторые авторы справедливо отмечают важность предписаний РП о «поклепной вире», т.е. ложном обвинении: «В ст. 18 и 20 первого отечественного свода законов, Пространной редакции Русской Правды, также был предусмотрен такой состав преступления как лжесвидетельство» [16, с. 141]. Но по тексту статей невозможно определить, что речь идет именно о ложном обвинении, исходящем от свидетелей, а не от стороны в процессе. Кроме того, весь текст РП настаивает на привлечении нескольких свидетелей, а в ст. 20 «клепал», т.е. обвинял явно один человек. Поэтому в контексте исследова-

⁵ Собрание государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся в Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Часть вторая, служащая дополненіемъ къ первой. М. : Тип. Селивановскаго, 1819. 610 с.

дования ответственности именно свидетелей данные статьи не учтены.

Следует отметить, что в этот период правовое положение свидетеля несколько двойственно. В некоторых статьях он фактически играет роль свидетеля обвинения или свидетеля защиты, инициатива его призвания в процесс исходит либо от ответчика, либо от истца. Тогда в акте указывается, что истец или ответчик должны «вывести», «привести» свидетеля или «ему ставити». Такая формулировка есть, в частности, в ст. 29, 37 и 47: «Паки ли будеть что татебно купиль в торгу, или конь, или портъ, или скотину, то *выведеть* свободна мужа два или мытника». Следовательно, его показания должны поддерживать предложенную соответствующей стороной позицию. Но в РП есть и другой вариант присоединения свидетелей к процессу, обозначенный словом «вылезут», например, «Аже выбьютъ зубъ, а кровь видять оу него во рть, а людье *выльзуть*, то 12 гривень продажь, а за зубъ гривна» (ст. 68). В этом случае, как и в ситуации с потерявшимся наследством (ст. 105), свидетели внешне нейтральны. Насколько отличалась оценка правдивости их показаний судом в том и другом случаях — законодатель умалчивает.

Подводя итоги, можно сказать, что Русская Правда еще не ставила вопрос о юридической ответственности свидетеля, ограничившись (и то предположительно) ответственностью перед высшими силами.

Псковская Судная грамота, хотя и имела узко территориальный масштаб, оказала огромное влияние как на развитие русского права вообще, так и института свидетельских показаний в частности.

Некоторые положения Грамоты были переняты из текста РП, но в заметно обновленном варианте.

По-прежнему самое частое наименование свидетелей — это «послухи» и «люди». Но при этом о свидетелях-видах грамота не упоминает. Еще крайне важно, что в этом акте впервые использован термин «свидетель», правда, пока лишь в одной статье (ст. 56). Послух же, в трактовке ПСГ, имеет особый статус, о чем будет сказано ниже.

Трудно однозначно оценить мнение, что показания свидетелей в это время были «наиболее применяемым видом доказательств» [17, с. 106], но то, что их правовая регламентация, как и в Русской правде, была весьма солидной (хотя и не настолько объемной, как, например,

регулирование присяги), можно сказать совершенно точно. В Грамоте свидетельские показания как доказательство фигурируют в 20 статьях.

Грамота существенно дополнила нормативную базу, регулиующую вопрос о правдивости свидетельских показаний и наметила правовые механизмы ответственности свидетелей.

Какие правовые средства предусматриваются в Грамоте для обеспечения правдивости показаний свидетеля?

Во-первых, в нескольких статьях ПСГ предусмотрено, что свидетели обязаны «сказать как прямо пред Богом» (ст. 51, 56); «молвят как право пред Богом» (ст. 20, 52, 57).

Какое содержание вложено в данные предписания?

Безусловно, первое, что лежит на поверхности — это требование говорить правду. Апелляция к высшим силам в этом случае сходна с дохристианскими установками и грозит карой богов тем, кто произнесет лживые слова и призовет высшие силы подтвердить их.

Второе толкование подразумевает формализованную процедуру, т.е. принесение присяги на кресте. Это вполне реально, поскольку, во-первых, об этом действии было известно и в более ранних источниках, а во-вторых, в ст. 117 о «целовании креста» послухом говорится вполне однозначно.

Во-вторых, в ПСГ в одной из статей упоминается особое качество свидетелей — это «добрые» люди: «А также кто купил на торгу, а у кого купил не знает его, а людям будет добрым ведомо, а у него имаются человек 4 или 5, скажут како пред Богом: пред нами в торгу купил, ино той прав, у кого имаются, и целованья ему нет...» (ст. 56).

«Доброта» в контексте удельного права, как представляется, заключается не в соответствующей черте характера, а в положительности образа свидетеля в целом: это обычно свободный не нищенствующий субъект, предположительно соплеменник, взрослый мужчина. Другими словами, свидетель — лицо, заслуживающее доверия, соответственно, и исходящая от него информация правдива.

Но следует обратить внимание на то, что законодатель указал на это качество лишь единожды. Правда, правовое оформление этого требования произошло значительно ранее и в других источниках, например, в цитируемой выше статье договора смоленского князя с Ригой и Готским берегом («двою послухоу, одного

Немчица, а друогоу Роусина, добрых людий») и Законе судном людем (XIII в.). Последний предписывал «искати послухъ истинень, боящихся бога, нарочить и не имущь вражды никоея же, ни лукавства, ни мързости, ни тяжъ ни пръ, на него же глаголють, нъ страха божия ради и правды его»⁶. Другими словами, на первое место вновь поставлен положительный образ свидетеля общественной жизни, а не его расположенность к другим, что ассоциируется с добротой в современном контексте.

В-третьих, существенно трансформированы и предписания о количестве свидетелей как гарантии правдивости излагаемых сведений.

Если в Русской правде число свидетелей редко уточняется, то в ПСГ этот показатель встречается намного чаще. Согласно ст. 27, свидетелей — очевидцев «боя» должно быть «человеки 4 или 5»; в соответствии со ст. 51 такое же количество послухов необходимо «государю», чтобы доказать факт выдачи изорнику покруты; заключения договора (ст. 56); давности владения (ст. 9). А вот для подтверждения слов пристава об отказе пустить его «на двор татбы обыскивати» достаточно «человека 2 или 3» (ст. 57). В Законе судном людем указаны несколько иные цифры: «Число же послухъ да бываетъ единъ на десяте, а лише сего рока и в малые пръ от 7 до трии».

Но важно отметить, что в некоторых ситуациях закон отказывается от «коллегиальности» и настаивает на том, чтобы послух был один, что специально подчеркивается, в частности, в ст. 117: «А послуху быти одному». Но этот факт не означает отказа законодателя от намерения получить правдивые показания.

Дело в том, что именно в отношении этого единственного свидетеля-послуха наиболее четко поставлен вопрос об ответственности за свои слова.

В-четвертых, и это наиболее важный шаг к признанию юридической ответственности свидетелей, в Грамоте предусмотрена обязанность послуха выйти на «поле», т.е. вступить в судебный поединок.

Сразу несколько статей ПСГ регламентируют такую ситуацию, когда послух, подтвердив показания одной из сторон, обязан отстоять свои слова в бою. Согласно ст. 20, человек, пострадавший от «бою или грабежу», может выставить послуха. Если этот послух «на суде став,

⁶ Закон Судный людем краткой редакции. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 178 с.

а послухует в тыеже речи», т.е. повторит слова истца, ответчику предоставляется право либо признать обвинение, либо «лезть на поле» с послухом. Таким образом, для послуха, подтвердившего обвинения истца, разбирательство может закончиться поединком с ответчиком.

Можно ли расценивать это предписание как форму юридической ответственности? Есть аргументы и за, и против.

С одной стороны, в современном понимании ответственность — это обязанность лица претерпеть неблагоприятные последствия своих действий: «ответственность есть разновидность юридических последствий, наступающих при наличии определенных фактов», — отмечали А.Ф. Черданцев и С.Н. Кожевников, — это всегда обязанность, носящая ущербный, нежелательный для субъекта, на которого она возлагается, характер, ущемляющая его правовой статус, сводящаяся к лишениям определенного рода» [18, с. 41]. Выход на поле является неблагоприятным последствием, следовательно, данный признак есть.

Но, с другой стороны, обычно юридическая ответственность имеет основанием правонарушение: «Фактическим основанием ответственности... является в принципе совершение правонарушения; в некоторых случаях основанием может служить объективно-противоправное деяние» [19, с. 73]. Если бы законодатель указал, что поле является следствием даже не ложных показаний, а просто сомнений в правдивости послуха, то данный компонент юридической ответственности был бы налицо. Но, согласно текстам статей, вопрос об истинности или ложности показаний свидетеля чаще всего даже не ставится. Например, ситуация, предусмотренная ст. 117, как представляется, совершенно очевидна и бесспорна: один человек «вырвал» другому бороду, а послух подтвердил этот факт: «А кто оу кого бороду вырвет, а послух опослушествует». Но вот далее законодатель предписывает послуху «крест целовати и битися на поли...» (ст. 117). Другими словами, послуху, который засвидетельствовал факт вырывания бороды, угрожает не только дача показаний под присягой, но и судебный поединок.

Скорее всего, проблемой, требующей обращения к высшим силам (ведь именно они выступают арбитрами в поединке) является справедливость слов стороны. Но ответственность при этом ложится именно на послуха. Причем эта ответственность имеет персонализирован-

ный характер: послух не может заменить себя наймитом: «... против послуха нанять волно наймит, а послуху наймита нет» (ст. 21).

Таким образом, в Грамоте впервые поставлен вопрос о юридической ответственности свидетеля, но поставлен своеобразно. В отличие от современного законодательства, свидетель-послух отвечает за любые свои показания, независимо от того, были ли они ложными или правдивыми.

Судебник 1497 г. интересен тем, что является основой для введения нового типа судебного процесса — «розыска». Один из элементов розыскного процесса — «облихование». Наглядно эта процедура отражена в ст. 12: «А на кого взмолвят детей боярских человек пять или шесть добрых, по великого князя по крестному целованию, или черных человек пять-шесть добрых христиан целовалников, что он тать, а довода на него в прежнем деле не будет, у кого крал или кому татбу плачивал, ино на том взяти исцева гибель без суда». Другими словами, с помощью свидетельских показаний 5–6 «добрых» людей человек априори признается виновным и подлежит наказанию. При этом не имеет значения, что для признания татем не учитывается, был ли он когда-либо замечен в совершении правонарушения.

В контексте настоящего исследования Судебник 1497 г. занимает особое место среди всех ранее указанных нормативных актов. Именно в нем впервые на все земли русского княжения было объявлено о введении юридической ответственности свидетеля за дачу ложных показаний.

Об этом с очевидностью сообщает ст. 67 «О посулах и послушестве» Судебника 1497 г.: «Да велети прокликать по торгам на Москве и во всех городех Московские земли и Новгородские земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищея и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду, а послухом не видеви не послушествовати, а видевши сказати правду. А послушествоует послух лживо не видеви, а обыщется то опосле, ино на том послухе гибель исцева вся и с убыткы».

Согласно тексту статьи, ее содержание необходимо довести до всех жителей: «... велети прокликать по торгам на Москве и во всех городех Московские земли и Новгородские земли и по всем волостем заповедати». Таким образом, это предписание имеет не локальный, как в предшествующих актах, а общегосударственный характер.

Второй важный момент состоит в требовании «послухом не видеви не послушествовати». Другими словами, отныне свидетель-послух может сообщить лишь ту информацию, которую лично воспринимал.

Наконец, указание «сказати правду», которое ранее имело лишь косвенную форму, вылившуюся в воззвании к высшим силам, теперь обрело четкую юридическую формулировку: «А послушествоует послух лживо не видеви».

При этом статья, повествующая об ответственности, как и положено охранительной нормой, снабжена санкцией за неисполнение предписанного: «на том послухе гибель исцева вся и с убыткы». Другими словами, именно послуху надлежит возместить убытки и имущество истцу. Таким образом, ложь послуха карается с помощью финансовых санкций.

Аналогичную норму законодатель включил и в тексты позднейших актов. В Судебнике 1550 г. половина текста статьи предшественника повторена почти слово в слово, а вот наказание за лживость послуха ужесточено: «Да велети прокликати по торгом на Москве и во всех городех Московские земли, и Ноугородские земли, и Тверские земли и по волостем, чтоб ищея или ответчик судьям и приставом посулов в суде не сулили; а послуши бы, не видеви, не послушествовали, а видеви сказали б в правду. А послух опослушествоует, не видеви, лживо, а обыщется то опосле, ино на виноватом послухе гибель исцова и убытки все, а в вине казнити торговою казнью» (ст. 99), т.е. к имущественным санкциям дополнили торговую казнь, заключавшуюся в «публичном битии кнутом» [20, с. 88].

В дальнейшем ответственность свидетелей за дачу ложных показаний стала неотъемлемой частью пенитенциарной политики Русского государства.

Обобщение и выводы

К концу XV в. законом оформлен такой состав правонарушения, как дача свидетелем ложных показаний. Это отразилось в соответствующих правовых предписаниях. Однако ответственность свидетеля появилась в законе на более раннем этапе и начиналась как ответственность перед высшими силами.

Можно заключить, что в русском праве законодательно зафиксировано несколько видов ответственности свидетелей.

Во-первых, ответственность свидетеля перед Богом. Ее формой является принесение присяги перед свидетельствованием.

Интересно отметить, что эту процедуру предлагается возродить: «Предлагается вернуть в закон присягу для свидетелей на суде и соответственно разделение свидетельствования на «присяжное» и «бесприсяжное». Присяга (для верующих — религиозная, для неверующих — гражданская) должна составлять формальную гарантию для приобретения свидетельством статуса факта. Присяга повысит ответственность свидетеля [9, с. 5]. Правда, представляется, что такая мера эффективна в основном в тех право-

вых семьях, где «дача ложных показаний... считается преступлением и грехом» [21, р. 16].

Во-вторых, юридическая ответственность свидетеля. Юридическая ответственность воплощалась в нескольких формах. Исторически первой была обязанность свидетеля отстаивать свои слова, участвуя в поединке. При этом не имело значения, истинны или ложны показания свидетеля. Только в XV в. было четко установлено, что свидетель обязан говорить перед судом правду и несет ответственность за дачу ложных показаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репникова М.С. Институт свидетельских показаний в российском законодательстве / М.С. Репникова. — EDN YLNWWR // Молодой ученый. — 2017. — № 16(150). — С. 362–364.
2. Hatab W.A. Witness and Eyewitness Memory: Factors Influencing Testimony Accuracy / W.A. Hatab, B.J. Sawalmeh, M. Al-Badawi. — DOI 10.1007/978-3-031-87584-7_150 // Business Resilience and Business Innovation for Sustainability. Studies in Systems, Decision and Control. — Springer, 2025. — Vol. 587. — P. 2077–2084.
3. Лазарева В.А. Показания в уголовном процессе: содержание или форма? / В.А. Лазарева. — DOI 10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3400. — EDN SDEVKD // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2021. — № 2(45). — С. 203–210.
4. Малышев Я.В. Лжесвидетельство: некоторые аспекты уголовно-правовой ответственности / Я.В. Малышев. — EDN NBPDON // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 330. — С. 102–104.
5. Helm R.K. Evaluating Witness Testimony: Juror Knowledge, False Memory, and the Utility of Evidence-Based Directions / R.K. Helm. — DOI 10.1177/13657127211031018 // The International Journal of Evidence & Proof. — 2021. — Vol. 25, no. 4. — P. 264–285.
6. Барехова Е.С. Заведомо ложные показания как преступление против правосудия: актуальные проблемы квалификации / Е.С. Барехова, И.В. Пикин. — EDN CCOSXP // Актуальные вопросы юридических наук : материалы VI Междунар. науч. конф., Казань, 20–23 дек. 2021 г. — Казань, 2021. — С. 36–40.
7. Iancu E.A. Theoretical and Practical Aspects Regarding the Investigation of the Criminal Offence of False Testimony / E.A. Iancu. — DOI 10.30958/ajl.6-4-1. — EDN POKSRK // Athens Journal of Law. — 2020. — Vol. 6, no. 4. — P. 323–338.
8. Федоров А.А. Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Федоров. — Москва, 2006. — 16 с. — EDN NKGKBJ.
9. Леднев А.Е. Показания свидетеля как уголовно-процессуальное доказательство : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Е. Леднев. — Нижний Новгород, 2006. — 240 с. — EDN NNUOKT.
10. Бобровский О.В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.В. Бобровский. — Тольятти, 2007. — 161 с. — EDN NOUOAD.
11. Максимов П.В. Досудебное производство в уголовном процессе по Русской Правде / П.В. Максимов. — EDN UUCSLM // Юрист-Правоведъ. — 2005. — № 1 (12) — С. 78–81.
12. Мананникова Е.Д. Статус свидетеля по уголовному делу в XVII–XIX веках / Е. Д. Мананникова. — EDN HVKDVD // Молодой ученый. — 2024. — № 16(515). — С. 227–229.
13. Сидорова Н.В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.В. Сидорова. — Екатеринбург, 2004. — 24 с. — EDN ZMWRZN.
14. Bayruns Garcia E. Bearing Witness, Understanding, Knowledge and the Right to be Known / E. Bayruns Garcia. — DOI 10.1007/s11098-025-02418-5 // Philosophical Studies. — 2025. — Vol. 183. — P. 1059–1080.
15. Демченко В.Г. Историческое изследование о показанияхъ свидетелей, какъ доказательствъ по дѣламъ судебнымъ, по русскому праву до Петра Великаго / В.Г. Демченко. — Киевъ : Университетская тип., 1859. — 107 с.
16. Паненко А.С. Становление и развитие института уголовной ответственности за заведомо ложные показания в дореволюционной России / А.С. Паненко. — DOI 10.24412/2687-0185-2022-3-139-144. — EDN BEVXEG // Криминологический журнал. — 2022. — № 3. — С. 139–144.
17. Сутягина И.Ю. Судебные доказательства по Псковской судной грамоте / И.Ю. Сутягина. — EDN QCFVIR // Вестник Самарского юридического института. — 2012. — № 1(6). — С. 104–109.
18. Черданцев А.Ф. О понятии и содержании юридической ответственности / А.Ф. Черданцев, С.Н. Кожевников. — EDN UDMBXZ // Правоведение. — 1976. — № 5. — С. 39–48.
19. Самощенко И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарушкин. — Москва : Юрид. лит., 1971. — 240 с.
20. Евреинов Н. История телесных наказаний в России : репринт. изд. / Н. Евреинов. — Белгород : Пилигрим, 1994. — 235 с.
21. Maisarah F. Witness Trapping in False Testimony Cases / F. Maisarah, La.O.B. Ali. — DOI 10.64317/alqadha.v1i1.5. — EDN KFFTXB // Al-Qadha: Journal Hukum Dan Syar'lan. — 2025. — Vol. 1, no. 1. — P. 16–22.

REFERENCES

1. Repnikova M.S. Institute of Witness Statements in Russian Legislation. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2017, no. 16, pp. 362–364. (In Russian). EDN: YLNWWR.

2. Hatab W.A., Sawalmeh B.J., Al-Badawi M. Witness and Eyewitness Memory: Factors Influencing Testimony Accuracy. In *Business Resilience and Business Innovation for Sustainability. Studies in Systems, Decision and Control*. Springer, 2025, vol. 587, pp. 2077–2084. DOI: 10.1007/978-3-031-87584-7_150.

3. Lazareva V.A. Testimony in Criminal Proceedings: Content or Form? *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 2, pp. 203–210. (In Russian). EDN: SDEVKD. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3400.

4. Malyshev Ya.V. Perjury: Some Aspects of Criminal and Legal Liability. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2010, no. 330, pp. 102–104. (In Russian). EDN: NBPDON.

5. Helm R.K. Evaluating Witness Testimony: Juror Knowledge, False Memory, and the Utility of Evidence-Based Directions. *The International Journal of Evidence & Proof*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 264–285. DOI: 10.1177/13657127211031018.

6. Berekhova E.S., Pikin I.V. Knowingly False Testimony as a Crime Against Justice: Topical Problems of Qualification. In *Topical Issues of Legal Sciences. Proceedings of the 6th International Scientific Conference, Kazan, December 20–23, 2021*. Kazan, 2021, pp. 36–40. (In Russian). EDN: CCOSXP.

7. Iancu E.A. Theoretical and Practical Aspects Regarding the Investigation of the Criminal Offence of False Testimony. *Athens Journal of Law*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 323–338. EDN: POKSRK. DOI: 10.30958/ajl.6-4-1.

8. Fedorov A.A. *Witness Testimony as a Source of Proof in Criminal Proceedings*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2006. 16 p. EDN: NKGKBJ.

9. Lednev A.E. *Witness Testimony as Criminal Procedural Evidence*. Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2006. 240 p. EDN: NNUOKT.

10. Bobrovsky O.V. *Criminal and Civil Process According to the Russkaya Pravda*. Cand. Diss. Tolyatti, 2007. 161 p. EDN: NOUOAD.

11. Maksimov P.V. Pre-Trial Proceedings in the Criminal Process According to Russkaya Pravda. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Scholar*, 2005, no. 1, pp. 78–81. (In Russian). EDN: UUCSLM.

12. Manannikova E.D. The Status of a Witness in a Criminal Case in the 17th–19th Centuries. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2024, no. 16, pp. 227–229. (In Russian). EDN: HVKDVD.

13. Sidorova N.V. *Legal Regulation of the Witness in the Russian Criminal Trial: History, Current Status*. Cand. Diss. Thesis. Ekaterinburg, 2004, 22 p. EDN: ZMWRZN.

14. Bayruns Garcia E. Bearing Witness, Understanding, Knowledge and the Right to Be Known. *Philosophical Studies*, 2025, vol. 183, pp. 1059–1080. DOI: 10.1007/s11098-025-02418-5.

15. Demchenko V.G. *A Historical Study of Witness Testimonies as Proof in Court Cases According to the Russian Law Before Peter the Great*. Kiev, Universitetskaya Tipografiya Publ., 1959. 107 p.

16. Panenko A.S. Formation and Development of the Institution of Criminal Responsibility for Knowingly False Testimony in Pre-Revolutionary Russia. = *Kriminologicheskii zhurnal = Criminology Journal*, 2022, no. 3, pp. 139–144. (In Russian). EDN: BEVXEG. DOI: 10.24412/2687-0185-2022-3-139-144.

17. Sutyagina I.Yu. Judicial Proofs According to the Pskov Judgment Letter. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2012, no. 1, pp. 104–109. (In Russian). EDN: QCFVIR.

18. Cherdantzev A.F., Kozhevnicov S.N. About Notion and Contents of Legal Responsibility. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1976, no. 5, pp. 39–48. (In Russian). EDN: UDMBXZ.

19. Samoshchenko I.S., Farukhin M.Kh. *Liability under the Soviet Legislation*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1971. 240 p.

20. Evreinov N. *History of Corporal Punishments in Russia*. Belgorod, Pilgrim Publ., 1994. 235 p.

21. Maisarah F., Ali La.O.B. Witness Trapping in False Testimony Cases. *Al-Qadha: Journal Hucum Dan Syar'Ian*, 2025, vol. 1, no. 1, pp. 16–22. EDN: KFFTXB. DOI: 10.64317/alqadha.v1i1.5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Минникес Ирина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>, SPIN-код: 6729-1412, ResearcherID: E-6361-2017.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Minnikes, Irina V. — Doctor of Law, Professor, Senior Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, the Russian Federation, ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>, SPIN-Code: 6729-1412, ResearcherID: E-6361-2017.